

Анна Фролова

Каталог пустых комнат

18+

Анна Фролова

Каталог пустых комнат

«Автор»

2026

Фролова А.

Каталог пустых комнат / А. Фролова — «Автор», 2026

Представьте: вы возвращаетесь домой. Дверь приоткрыта. Вы помните, что запирали. Вы заходите. Внутри ничего не тронут. Всё на своих местах. Никого. Вы обходите комнаты — одну за другой, — и каждая пуста. Вы вздыхаете с облегчением. И только потом, много позже, вас настигает мысль: пустота и была тем, кто вошёл. Эта книга — размышление о безопасности, которая всегда ложна. О двери, которую мы запираем с той стороны, где уже кто-то есть. О добре, которое иногда выглядит как отсутствие зла. О зле, которое научилось притворяться пустотой. И о том, что самые страшные вещи случаются не когда дверь взломана, а когда она была просто не заперта — и кто-то вошёл. И остался.

© Фролова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анна Фролова

Каталог пустых комнат

Глава 1

Лили сидела на диване, поджав под себя ноги, и смотрела в телевизор, которого не слышала уже минут двадцать. Экран что-то бубнил про похолодание, про то, что на севере штата выпал первый снег — слишком рано, даже для здешних мест, — а она держала телефон плечом и слушала, как Эшли в четвёртый раз пересказывает вчерашнее свидание.

— И он говорит: «Я не ищу ничего серьёзного». Прямо за ужином, Лил. Я чуть не швырнула в него тарелкой с пастой.

— Может ему просто паста не понравилась? — саркастично сказала Лили. Эшли фыркнула в трубку.

За окном ветер гнал по лужайке перед домом жёлтые листья — один, потом ещё пять, потом целую пригоршню, как будто кто-то швырнул их снизу. Небо было низкое, белёсое, какое бывает только в середине осени на Среднем Западе. Лили смотрела, как соседский пёс, старый золотистый ретривер по кличке Такер, безуспешно пытается поймать лист пастью. Лист уворачивался. Пёс чихнул и сел. Телевизор тем временем переключился на местные новости. Ведущая — блондинка с причёской, которая стоила ей, наверное, половину зарплаты, — смотрела в камеру с тем особым выражением, какое используют для сообщений, не дотягивающих до трагедии, но уже переросших рубрику «происшествия».

— «....полиция Литчфилда просит граждан сохранять бдительность. За последние три недели в округе без вести пропали две женщины. На данный момент следствие не усматривает связи между исчезновениями, однако....»

Лили бросила взгляд на экран. Там показывали фотографию: женщина лет тридцати пяти, усталая улыбка, волосы убраны в небрежный пучок. Такие снимки обычно делают на корпоративах — кто-то подошёл сзади, сказал «эй, давай», и она обернулась, не успев принять позу.

— Ты вообще слушаешь? — спросила Эшли.

— Слушаю. Ужин. Паста карбонара. Он идиот.

— Вот именно. Но знаешь, что самое паршивое?

— Что?

— Что я всё равно пойду на второе свидание.

Лили хмыкнула. Она понимала. В Литчфилде с мужчинами было как с погодой в ноябре: ты знаешь, что хорошего не будет, но всё равно выходишь из дома, потому что сидеть внутри вечно невозможно. Городок был из тех, что на карте выглядят точкой, а на деле — несколько больших улиц, две церкви, три кофейни и бесконечное количество взглядов в спину. Население — двадцать две тысячи сто человек, и каждый знает, что ты ела на завтрак. И с кем.

— Ладно, мне собираться, — сказала Лили. — Смена через час.

— Опять до закрытия?

— Ага. Приходи, сварю тебе нормальный кофе. Не то что в «Стирбаксе» в Дулуте.

— Ты просто не была в «Стирбаксе» в Дулуте.

— И не хочу. Всё, пока.

Она сбросила вызов и потянулась. Телевизор продолжал перечислять детали исчезновений — возраст, район, обстоятельства — но она уже не слушала. Вторая женщина, сказала ведущая, работала в библиотеке. Лили никогда не была в городской библиотеке. Она вообще читала мало, разве что меню и сообщения от бывшего на автоответчике. Она встала с дивана

и прошла босиком на кухню. На столе лежал вчерашний чек из супермаркета, стояла кружка с остатками чая и валялся телефонный шнур, скрученный в узел, который она распутывала уже неделю. Она открыла кран, набрала воды, выпила стоя.

За окном над крышами висело небо цвета старой фланели — серое, выстиранное, без проблесков. Ветер дёргал ветку клёна, та скребла по стеклу, как вежливый, но настойчивый гость. Она думала об Эшли и её свидании. О том, что двадцать пять — странный возраст: ты уже не девочка, но ещё не взрослая женщина в том смысле, в каком это понимают в банке, когда ты берёшь ипотеку. Ты где-то между. Как октябрь.

Она пошла в спальню переодеваться. Кофейня называлась «У Джун». Никакой Джун там, разумеется, не было — предыдущий владелец купил вывеску на распродаже и решил не менять, потому что новая стоила денег, а старая создавала «атмосферу». Атмосфера заключалась в том, что посетители из приезжих первым делом спрашивали: «А вы Джун?» — и Лили в тысячный раз объясняла, что нет, Джун умерла в восемьдесят третьем, и никто уже не помнит, кто это. Сегодня посетителей было мало. Дождь, который собирался всё утро, наконец провалился: с неба посыпалась мелкая въедливая морось, от которой волосы завиваются, а настроение падает. Лили стояла за стойкой, протирала кофемашину и смотрела, как капли ползут по витринному стеклу, сливаясь и разбегаясь.

В зале сидел только один человек — пожилой мужчина в кепке с логотипом John Deere, который уже допил свой кофе и теперь просто смотрел в окно. Лили знала его: мистер Хендрикс, живёт через три дома от её матери. Он приходил сюда каждый вторник и четверг ровно в два, заказывал одно и то же и никогда не оставлял чаевых.

Дверь хлопнула, и в кофейню вошла Майя — с опозданием на десять минут, покрасневшая от быстрой ходьбы, с каплями дождя на воротнике.

— Прости, прости, прости, — выпалила она, ныряя за стойку и сразу принимаясь развязывать шарф. — Автобус опоздал, а потом я не могла найти ключи, а потом ещё и дождь.

— Всё нормально, — сказала Лили. — Тут всё равно никого.

Майя бросила шарф на полку и встала рядом с Лили, поправляя манжеты. Движения у неё были дёрганные, слишком быстрые — так двигаются люди, которые всё время ждут, что кто-то их окликнет или одёрнет. Лили замечала это за ней давно, но не лезла: Майя была из тех, кто улыбается шире, когда не в порядке и любые вопросы об этом воспринимает как вторжение. Они принялись обсуждать вечернюю смену, потом — ремонт дороги на Дулут-авеню, потом — то, что в супермаркете опять подняли цены на молоко. Говорили ни о чём.

— Знаешь, — вдруг сказала Майя, глядя в пол, — иногда мне кажется, что в маленьком городе невозможно построить нормальные отношения. Тут все либо твоя бывшая любовь, либо твой будущий развод. Либо ты знаешь человека с детского сада, и он уже никогда не станет для тебя загадкой.

— В больших городах то же самое, — сказала Лили. — Просто там больше пробок.

— Может быть. Но там хотя бы можно сделать вид, что ты не знаешь, кто кому изменил на прошлой неделе. Лили хотела ответить что-то, но в этот момент Майя потянулась за чашкой, и рукав её кофты задрался. Всего на секунду, но Лили успела увидеть: три синяка на внутренней стороне предплечья, чуть выше запястья — жёлто-фиолетовые, разной давности. Такие не получают, ударившись о дверной косяк. Их оставляют пальцы. Майя перехватила её взгляд и резко одёрнула рукав. Между ними повисла тишина — плотная, почти физическая. Мистер Хендрикс закашлял в углу. Дождь барабанил по стеклу. Кофемашина издала долгий вздох, как человек, который устал ждать.

— Майя, — сказала Лили тихо и с сожалением посмотрела ей в глаза.

— Не надо, — сказала Майя.

Она смотрела в стену прямо перед собой, и голос у неё был ровный, как стол, за которым они стояли.

— Пожалуйста. Не сегодня.

Лили помолчала. Она знала этот тон — так говорит человек, который каждый вечер запирает дверь перед сном, зная, что зло уже внутри.

— Я здесь, — сказала Лили. — В любую минуту. Днём, ночью. Если что — ты просто звонишь.

Майя кивнула. Она всё ещё не смотрела на Лили. Она смотрела в окно, где октябрьский дождь превращал улицу в размытую акварель — серую, холодную и даже красивую, если не присматриваться. В телевизоре над стойкой — стареньком, подвешенном на кронштейне — снова начались новости. Та же ведущая, та же причёска, та же интонация на грани между тревогой и профессиональным спокойствием. На этот раз показывали карту округа с двумя красными точками — места, где в последний раз видели пропавших женщин. Точки горели на экране, как два непогашенных окурка.

— Как думаешь, — спросила вдруг Майя, всё ещё глядя в окно, — их найдут?

— Кого?

— Тех женщин. Про которых в новостях.

Лили посмотрела на экран. Карта исчезла, теперь показывали брифинг полиции — мужчина в форме стоял перед микрофоном и говорил что-то, что говорят всегда: «отрабатываем все версии», «просим граждан», «пока нет оснований». Она не знала этих женщин. Никогда их не видела. Но что-то в том, как исчезали люди в этом городе заставляло её чувствовать холод не только от погоды.

— Не знаю, — сказала Лили. — Может быть.

Майя наконец повернулась к ней. В её глазах стояло что-то мутное, невыплаканное.

— Я бы хотела, чтобы нашли, — сказала она. — Просто чтобы знать, что кто-то ещё ищет. Это была фраза, которая выдала тревогу Майи. Лили посмотрела на нее сочувственно-тревожным взглядом.

За окном дождь усилился. Листья клёна, ещё вчера золотые, лежали на асфальте мокрой бесформенной массой. Ветер гнал по улице пустой пластиковый пакет — тот кувыркался, как акробат-неудачник, пока не зацепился за водосточную трубу и не затих.

Лили налила себе и Майе по чашке кофе. Они стояли и пили молча, глядя на дождь, и каждая думала о своём. Лили думала о синяках на руке подруги. О женщинах, которые больше не вернулись домой. О двери, которую она сама запирала каждую ночь, — и о том, что замок в её квартире был старый, дешёвый, такой, который можно открыть кредиткой, если знать как. Она не знала, что одна из тех красных точек на карте — третья, которой ещё не было, — через две недели окажется прямо здесь. В кофейне «У Джун». За пять минут до закрытия. Но это будет потом. А пока — дождь, кофе, тишина. И где-то далеко, на другом конце города, женщина, которую Лили никогда не видела, запирала дверь. Или не запирала. Или дверь была не заперта с самого начала.

Глава 2

Телефон зазвонил в половине седьмого вечера, когда Лили сидела на диване в пижамных штанах и старой футболке, которую не надевала на людях уже года три. За окном снова шёл дождь. Она доедала остатки вчерашней пиццы и смотрела реалити-шоу про людей, которые ремонтируют дома и ссорятся из-за цвета плитки. В этом был своеобразный уют холостяцкой жизни.

— Привет, — сказала Эшли. Голос у неё был весёлый, но причина была слишком очевидна.

— Нет, — сказала Лили.

— Ты даже не знаешь, о чём я.

— По голосу знаю. Ты хочешь, чтобы я куда-то пошла.

— А вот и не знаешь. Что думаешь насчёт того, чтобы встретиться в баре сегодня? Кстати, я буду с Кайлом. Нуу... И... Ещё с нами будет Дэрил.. – осторожно протянула Эшли.

Лили отложила кусок пиццы обратно в коробку и уставилась в потолок. Потолок был старый, с трещиной, которая шла от люстры к углу и напоминала карту неизвестной реки.

— Эшли.

— Лили.

— Мы это уже проходили. Помнишь Марка? Который весь вечер рассказывал про свою коллекцию ножей?

— У него было хобби.

— У него было четырнадцать ножей, Эш. И он назвал их. По именам.

— Ладно, Марк был ошибкой. Но это другое. Кайл говорит, его друг — автомеханик. Серьёзный, взрослый мужчина с работой и без судимостей. В Литчфилде это как выиграть в лотерею.

— Я не хочу выигрывать в лотерею. Я хочу досмотреть, выберут ли они серую плитку или бежевую.

— Ты серьёзно сейчас?

— Абсолютно.

В трубке повисла пауза. Лили слышала, как на заднем плане у Эшли играет радио — что-то из девяностых, кажется, «Goo Goo Dolls». Потом Эшли вздохнула как человек, уверенный, что он желает тебе добра, а ты просто слишком упряма, чтобы это понять.

— Лил, послушай. Ты уже полгода сидишь дома. Ты работаешь, приходишь, смотришь телевизор, спишь. Это не жизнь. Это ожидание жизни. А жизнь — она вот, сейчас. В октябре. В Литчфилде. И она проходит мимо, пока ты выбираешь между серой плиткой и бежевой.

— Там ещё была голубая – меланхолично сказала Лили

— Это, конечно, многое меняет.

Лили закрыла глаза. Она знала, что подруга права. Она действительно слишком много времени проводила одна. И дело было не в том, что ей это не нравилось, — просто ей всегда было невыносимо скучно в обществе идиотов, коих в городе было достаточно много. И почти каждый из них, почему-то, неизбежно прилипал к Эшли.

— Как его зовут? — спросила она.

— Дэрил. — Эшли оживилась мгновенно, как радио, на котором поймали волну. — Он работает автомехаником, Кайл говорит — нормальный парень. Я сказала ему: если он окажется придурком, я лично оторву тебе уши.

— Уши — это хорошо, — задумчиво сказала Лили. — Но ушей недостаточно.

— Я готова обсуждать другие части тела, но давай после свидания. Встречаемся в «Синей цапле» в семь. Ты, я, Кайл, Дэрил. Будет весело.

— Ты каждый раз так говоришь.

— Потому что каждый раз верю. Все, пока. Увидимся в семь.

Послышались длинные гудки. Отступать было некуда. Лили сдалась. Эшли могла горы сдвигать своим напором, а Лили сегодня напоминала скорее уныло висящий флажок, который колебался от любого дуновения. Куда уж там сражаться. Она посмотрела на пиццу, на телевизор, на трещину в потолке, похожую на реку, текущую в никуда, и пошла в спальню — искать более менее приличные вещи, в которых не стыдно показаться на людях. Лили выпрямила свои красивые каштановые волосы и подвела глаза. Блеск на губах показался ей пошлым и она решила оставить только лёгкий оттенок карандаша. Из зеркала смотрела вполне красивая молодая женщина, хотя и очень уставшая. Что ж, Эшли была права. Ей точно нужно было развеяться.

Бар «Синяя цапля» стоял на пересечении Третьей улицы и Сансет-авеню уже лет сорок, и все эти годы он притворялся, что находится где-то на побережье, а не в двухстах милях от ближайшего океана. Стены были обиты выпцветшими досками, на которых висели рыболовные сети, спасательные круги и фотографии каких-то людей на фоне лодок. В углу стояло чучело цапли — синее, как и обещало название, с длинным клювом, на который кто-то повесил гирлянду из миниатюрных тыкв. Хэллоуин приближался, и бар готовился к нему без особого энтузиазма — просто добавил тыквы туда, где они не мешали.

Лили пришла первой. Она села за угловой столик, заказала светлое пиво и принялась ждать, разглядывая посетителей. Их было немного: пара пожилых мужчин у стойки, компания студентов из колледжа, которые слишком громко смеялись, и кто-то в тёмном углу — она не разглядела лица, только силуэт и раскрытую книгу на столе. Книга в баре — это было странно, но кому было до этого дело.

Эшли впорхнула через пять минут после неё, сияя так, будто весь октябрь был её личным праздником. Рыжие волосы рассыпались по плечам, серые глаза блестели в свете гирлянд. За ней шёл Кайл — высокий, чуть сутулый, с шапкой тёмно-каштановых волос, вечно падающих на лоб, в зелёных, как лето, глазах читалось отражение человека, который никогда не задумывается о плохом. Он широко улыбнулся и пожал Лили руку.

— Рад познакомиться. Эшли про тебя столько рассказывала, что я уже чувствую себя твоим другом — улыбаясь сказал он.

— Что именно она рассказывала?

— Что ты умеешь варить лучший кофе в городе.

— Это правда, — без стеснения сказала Лили.

Дэрил появился последним. Он возник из-за спины Кайла, как будто ждал подходящего момента для выхода, и Лили сразу поняла: вечер будет долгим.

Он был ниже Кайла, более коренастый, зеленоглазый шатен, с довольно узкими глазами. У Дэрила было лицо человека, который в школе смеялся над чужими падениями, а потом вырос и не изменился. На переносице сидела россыпь веснушек — слишком мальчишеская для его квадратной челюсти. Он улыбнулся Лили, и в улыбке было что-то, что ей сразу не понравилось: не интерес, а оценка. Как будто он прикидывал, сколько она стоит, и ещё не решил, готов ли платить.

— Так это ты та самая Лили? — сказал он и сел напротив, даже не дожидаясь, пока его представят. — Эшли говорила, ты красивая. Не соврала.

— Спасибо, — сказала Лили. Сухо. Так, как говорят «спасибо» кассиру в супермаркете.

— Что пьёшь? Пиво? Я возьму тебе нормальный напиток. Девушка не должна пить пиво, от него живот растёт.

Лили переглянулась с Эшли. Та поджала губы и сделала лицо, которое означало: «Я знаю, прости, дай ему шанс».

— Мне нравится пиво, — сказала Лили.

— Значит, ты просто не пробовала хороший коктейль. Я закажу тебе «Секс на пляже».

— Не надо.

— «Секс в машине»?

— Дэрил, — медленно и с выражением сказала Лили, — я буду пить пиво.

Он поднял руки в шутливом поражении — мол, сдаюсь, ты сильная женщина. Но в глазах мелькнуло что-то другое. Раздражение? Нет, скорее азарт. Так смотрит рыбак на рыбу, которая сорвалась с крючка, но всё ещё плавает рядом с лодкой. Они сделали заказ — бургеры и закуски, — и разговор потёк. Кайл рассказывал про свою работу на складе автозапчастей: скучно, но стабильно, неплохо для маленького городка. Эшли поддерживала его шутками, смеялась, трогала его за руку. Лили смотрела на них и вспоминала недавний рассказ об их ужине и его словах. Похоже, что Эшли уже забыла об этом. Что ж, это вполне в её духе. Она вообще никогда не умела долго обижаться.

Дэрил сидел рядом, слишком близко, и комментировал всё подряд: меню, погоду, выбор пива, официантку, которая, по его мнению, «надела юбку на размер меньше, чем надо, но он не жалуется». Лили вежливо улыбалась и считала минуты. К середине вечера Эшли и Кайл ушли танцевать. Танцполом служил пятачок у старого музыкального автомата — там уже топтались три пары, и среди них Эшли смотрелась как огонёк среди серых теней. Лили осталась наедине с Дэрилом. Время стало тянуться ещё медленнее.

— Значит, работаешь в кофейне, — сказал он, придвигаясь ближе. Его колено коснулось её бедра. Она отодвинулась. Он придвинулся снова. — И как, нравится? Много чаевых?

— Хватает.

— Я бы тебе дал чаевые. — с ухмылкой сказал он — Может, и не только чаевые. Его глазки заблестели как у черта. Каким то зловещим огоньком. Так хищник, обычно, смотрит на свою жертву.

Лили глубоко вздохнула и посмотрела в свой бокал. Пива оставалось на доньшке. Она допила его одним глотком и встала.

— Мне нужно в уборную, — сказала она и пошла через зал быстрее, чем он успел ответить. В уборной пахло лимонным чистящим средством и чьими-то сладкими духами. То ли от Дэрила, то ли от этого сладкого зараза у Лили закружилась голова и подступила к горлу тошнота. Эшли стояла у зеркала и поправляла свои пышные медные локоны. Когда она увидела недовольное лицо Лили в отражении, её руки замерли.

— Что?

— Твой автомеханик — придурок, — сказала Лили. — И Кайл тоже придурок, но хотя бы милый. А этот полнейший кретин. Он только что предложил мне «чаевые и не только», и я уверена, что он имел в виду не деньги.

— О господи. Прости. Кайл сказал, он нормальный — воскликнула Эшли, явно расстроившись.

— Ты не виновата. Это моя вина, что я согласилась. В который раз.

— Хочешь уйти? Я пойму.

— Уйду. Но сначала скажу ему всё, что думаю.

Эшли попыталась возразить, но Лили уже вышла. Она вернулась к столику, где Дэрил допивал третье пиво, и потянулась за сумкой.

— Я ухожу. Спасибо за вечер.

Он схватил её за запястье. Не сильно — но достаточно, чтобы она не могла выдернуть руку сразу.

— Слушай, не будь такой букой. Мы же просто развлекаемся. Что, посидеть со мной — это такая пытка?

— Отпусти руку — лицо Лили с ало суровым, а тон голоса жёстче.

— Или что? — Он ухмыльнулся. — Ударить меня? Ну давай. Будет весело. Ты такая горячая, когда бесишься. Может, тебя просто надо немного расслабить? Я знаю способ. Он дёрнул её за запястье к себе, и его вторая рука — липкая от пива, горячая — легла ей на талию, сжав грубее, чем можно было ожидать. Звук пощёчины вышел сухим, как треск ломающейся ветки. Дэрил отшатнулся, схватившись за щёку. На его лице, на секунду, проступило искреннее изумление, а за ним захлестнула ярость.

— Ах ты...

Он замахнулся. Лили увидела его сжатый кулак, увидела, как Эшли бежит через зал, увидела, как Кайл встаёт с растерянным лицом. Все это происходило будто в слоумо, хотя длилось не дольше двух секунд. Лили зажмурилась и попыталась увернуться, прикрыв лицо руками. Но удара не было. Она открыла глаза и увидела, что чья-то рука — крепкая, с длинными пальцами — перехватила запястье Дэрила и отжала вниз, спокойно, без усилий, как опускают рычаг.

— Я думаю, леди сказала «уходи», — произнёс голос. Негромкий. Почти ленивый. С лёгким акцентом — может, британским, может, австралийским, Лили не разобрала. Она обернулась. Тот самый парень из угла. Книга всё ещё лежала на его столике — раскрытая, перевернутая страницами вниз. Он был выше, чем ей показалось сначала, и старше. Лет тридцать, может, чуть больше. Волосы русые, падающие на лоб. Глаза — светло-голубые, почти прозрачные, как лёд над озером Лич в январе. Одет небрежно: тёмный свитер, джинсы. Он не выглядел опасным, но он был не похож на типичного жителя Литчфилда.

— Не лезь, — прорычал Дэрил. — Это не твоё дело!

— Ты собирался ударить женщину в общественном месте, — сказал парень ровно. — Боюсь, теперь это дело всех, у кого есть глаза и уши.

Подожёл бармен, мужчина лет сорока с лицом человека, который видел слишком много драк и совершенно не хотел в этом участвовать.

— Что здесь происходит?

— Ничего, — сказал парень, отпуская руку Дэрила. — Этот джентльмен как раз собирался уйти. И его друг тоже. Он перевёл взгляд на Кайла. Тот стоял с видом человека, который только что понял, что привёл на вечеринку бомбу, и теперь не знает, куда деваться. Стыд на его лице был почти осязаем.

— Дэрил, пойдём, — пробормотал он. — Вызову такси. Дэрил выдернул руку, сплюнул на пол — бармен поморщился — и пошёл к выходу, бросив на Лили взгляд, полный мутной, недоуменной злобы. Как будто это она его оскорбила и пыталась избить. Кайл двинулся за ним, не попрощавшись. Дверь хлопнула. Эшли подбежала к Лили.

— Ты цела? Он тебя не?..

— Нет. — Лили потёрла запястье. Кожа горела, но кости были целы. — Всё нормально.

Она повернулась к незнакомцу. Тот уже отходил к своему столику, засовывая книгу во внутренний карман тёмно-серого, не по сезону лёгкого пальто. На корешке мелькнуло золотое тиснение, но Лили не успела прочесть.

— Спасибо вам, — сказала она. Он обернулся. Их взгляды встретились, на секунду Лили почувствовала что-то странное, но не прижала этому значения.

— Не за что, — сказал он. — Ты сама справились. Я просто не дал ему упасть.

— Он не падал.

— Собирался. Сухо бросил незнакомец.

Он накинул пальто и направился к выходу. Проходя мимо, сказал на прощание:

— Постарайся не попадать в неприятности. В этом городе не безопасно. И вышел.

Дождь за дверью всё моросил. Лили смотрела на закрывшуюся дверь, и в голове крутилась только одна мысль: "Хочу домой!"

— Кто это вообще? — спросила она.

Эшли покачала головой. — Без понятия. Но, чёрт возьми, Лил, я тебе должна самый большой в мире латте. И новую жизнь. Без Кайла и его дружков.

— Кайл вполне милый, — сказала Лили. — в отличие от его друзей.

— Это одно и то же. Окружение определяет человека. Так говорила моя мама.

— Твоя мама жила в Литчфилде и никогда не выезжала дальше Дулута.

— И поэтому она знала, о чём говорит.

Они рассмеялись. Едва ли не впервые за весь вечер. Напряжение постепенно сходило на нет. Лили взяла свою сумку, Эшли накинула куртку. Они вышли на улицу и стояли под козырьком, ожидая такси. Дождь и не думал останавливаться, октябрьский воздух пах мокрым асфальтом и прелыми листьями. Гирлянда из тыкв на клюве цапли мигала жёлтым.

— Его глаза, — вдруг сказала Лили.

— Чьи?

— Того парня. Голубые. Как лёд. Ты видела?

— Я видела только, как ты врезала Дэрилу. Это было прекрасно. Жаль, не сняла на видео.

Лили хмыкнула и запрокинула голову. Небо над городом было низкое, серое, подсвеченное оранжевым светом уличных фонарей. Где-то вдалеке прогудел поезд. Такси пришло через десять минут. Вечер оставил неприятное послевкусие и Лили хотелось быстрее попасть домой. Набрать горячую ванну с пеной, чтобы смыть эти воспоминания.

Глава 3

На следующий день после самого неудачного свидания вслепую, которое только могло быть, Лили проснулась с ощущением, что кто-то "переставил мебель" в её голове. Всё было на своих местах, но сдвинуто на пару сантиметров — и от этого мир казался чужим.

Она лежала в постели и смотрела, как за окном наступает хмурое осеннее утро. Свет был серый, процеженный сквозь облака, как вода через старое сито. Ветка клёна всё так же скреблась о стекло — сегодня этот звук будто царапал душу. Лили подумала, что нужно найти инструмент и спилить эту чёртову ветку.

Где-то лаял Такер, лай был тревожный, какой бывает у собак, когда они чуют что-то незнакомое. Она думала о вчерашнем вечере. О Дэриле и его липких пальцах. Звук пощёчины до сих пор звенел в ушах, а полные ярости зелёные глаза всё ещё висели в сознании. Она думала о незнакомце, который появился из ниоткуда и ушёл в дождь, как будто растворился. И о книге, которую он читал в баре, — что за человек читает книгу в одиночестве, в полумраке, под шум пьяных голосов? "Маленький город" — думала Лили, глядя в потолок. Мы думаем, что маленькие города безопасны, потому что все друг друга знают. Но это и есть опасность. Ты знаешь всех, и ты думаешь, что знаешь, чего от них ждать. А потом кто-то — незнакомец или, того хуже, сосед — делает такое, чего ты не ожидаешь, и весь твой уютный мир трещит по швам, как старая фланелевая рубашка. Дэрил был из местных. И муж Майи, тот, что оставлял синяки на её запястьях, — тоже. И все они ходили по тем же улицам, пили тот же кофе, улыбались тем же кассирам в супермаркете. Безопасность, думала Лили, — это просто история, которую мы рассказываем себе, чтобы спать по ночам.

Она встала, умылась, выпила кофе, который был на удивление гораздо хуже того, что она варила клиентам, и поехала на работу. В кофейне было тихо. Утренние посетители уже разошлись, обеденные ещё не пришли, и в зале сидел только мистер Хендрикс — в своей вечной кепке John Deere, с чашкой остывшего кофе и газетой, которую он не читал. Лили кивнула ему, он что-то буркнул в ответ и устался в окно. Его взгляд был мутным, но внимательным — как у старого кота, который притворяется спящим. Майя уже была за стойкой. Она стояла спиной к залу и протирала кофемашину — теми же дёргаными, слишком быстрыми движениями, что и всегда. Когда она обернулась, Лили заметила, что под глазами у неё залегли тени, а рукава кофты натянута до самых костяшек, хотя в помещении было тепло.

— Привет, — сказала Лили. — Как ты?

— Нормально. — Майя улыбнулась, но улыбка была натянутая, чтобы не выдать своё настроение.

— А ты как? Эшли написала, что вчера было бурно. — Эшли написала?

— Ну да. Сказала, ты дала пощёчину какому-то придурку и кто-то вступился за тебя. Прямо как в кино.

Лили усмехнулась и начала расставлять чашки. Она пересказала вчерашний вечер в деталях и ей пришлось ещё раз погрузиться в эти неприятные воспоминания. В какой то момент подступила тошнота. Майя слушала, кивая, но её глаза скользили мимо, как будто она смотрела не на Лили, а куда-то сквозь. Один раз она вздрогнула от звука упавшей ложки — резко, всем телом, как человек, который ждёт удара.

— Майя, — сказала Лили тихо.

— Я в порядке. Майя посмотрела на неё быстро, исподлобья, и в этом взгляде было что-то затравленное. Но прежде чем Лили успела сказать что-то ещё, начался выпуск новостей: «И снова тревожные новости из Литчфилда. Полиция подтвердила, что за последние сутки в городе пропали двое мужчин. Тридцатисемилетний Майкл Донован и двадцатидевятилетний Роберт Кэссиди не вернулись домой в ночь с субботы на воскресенье. Родственники обрати-

лись в полицию сегодня утром. Следствие пока не связывает эти исчезновения с пропажей двух женщин, о которых сообщалось ранее, однако...»

На экране появились фотографии. На одной — мужчина с трёхдневной щетиной и усталой улыбкой, снятый, кажется, на рыбалке. На второй — парень помоложе, с нагловатым лицом и родинкой на щеке. Лили смотрела на них и чувствовала, как тревога — та самая, что поселилась в ней после бара, — пускает корни глубже. Двое мужчин. До этого — две женщины. Никакой связи, говорит полиция. Но Лили чуяла: что-то происходит в Литчфилде. Что-то, чего она не могла назвать, но могла почувствовать — как чувствуешь приближение грозы по тому, как меняется воздух. Мистер Хендрикс вдруг встал и подошёл к стойке. Его ботинки проскрипели по полу, и звук был неприятный.

— Ещё кофе, — сказал он.

Лили налила ему кофе. Он стоял слишком близко — ближе, чем нужно, и его взгляд скользнул по Майе, задержавшись на секунду. Лили показалось, что в этом взгляде мелькнуло нечто недоброе, но она не могла понять, что именно. Может, ей просто мерещилось. Может, всё это — тревога, недосып, октябрьская серость.

— Слышали про мужиков, которые пропали? — спросил он, помешивая кофе ложечкой так долго, что от звона металла о керамику начала болеть голова.

— Слышали, — сухо сказала Лили.

— Может, оно и к лучшему.

— Что вы имеете в виду?

Он пожал плечами и недобро улыбнулся.

— Одним больше, одним меньше. В нашем городе итак мало работы и слишком много конкуренции. — сказал Хендрикс.

Он развернулся и пошёл обратно к своему столику. Лили смотрела ему в спину и чувствовала, как внутри поднимается волна тошноты. От его взгляда. От того, как он посмотрел на Майю. Как на вещь, которую можно оценить и, может быть, когда-нибудь присвоить. Она перевела взгляд на подругу. Майя стояла, вцепившись в край стойки, и лицо у неё было белое, как молоко.

— Майя, ты в порядке?

— Я отойду на минуту — еле шевеля губами ответила она.

Майя ушла в подсобку и вернулась только через десять минут, с красными глазами, но спокойным лицом. Лили не стала спрашивать. Она знала: когда человек готов — он скажет сам. А когда не готов — любые вопросы только загонят его глубже.

Смена тянулась как жвачка, прилипшая к подошве. Посетители приходили и уходили — знакомые люди, обычные заказы. Мистер Хендрикс просидел до четырёх, потом ушёл, бросив на стойку мятые купюры без чаевых. Лили выдохнула, когда за ним закрылась дверь. Ближе к десяти вечера посетителей почти не осталось. Майя мыла посуду в подсобке. Лили стояла за стойкой и смотрела на дождь, который опять зарядил снаружи — мелкий, настырный, бесконечный. В витринном стекле отражался пустой зал: столики, стулья, муляж кекса, который предыдущий владелец зачем-то поставил у входа. И тут дверь открылась.

В зал вошла девушка. Лили сразу отметила, что она выглядела необычно для Литчфилда. Слишком утончённое и изящное лицо. Она была стройная, высокая, в тёмно-сером пальто, которое сидело на ней с какой-то старомодной элегантностью. Светло-золотистые волосы падали на плечи мягкими волнами — довольно длинные и ухоженные для девушки, которая просто зашла выпить кофе поздно вечером в маленьком городке. Лицо миловидное, почти ангельское: мягкая линия подбородка, аккуратный нос, губы, подчеркнутые бледно-розовой помадой. Но главное — глаза. Большие, красивые, янтарные как мёд, как виски, как осенний лист на просвет.

Она оглядела пустой зал — взгляд задержался на макете кекса, на кривых стульях, на выцветших обоях — и села за столик в углу, тот самый, где днём сидел Хендрикс. Движения у неё были плавные, но точные. Так двигаются люди, которые никогда не делают лишних жестов. Лили подошла. — Добрый вечер. Что будете заказывать?

— Двойной американо, пожалуйста. Голос у неё был мягкий, но не тёплый. Как бархат, который долго лежал в холодной комнате.

— Двойной? В десять вечера? — удивлённо выкинула брови Лили.

Девушка улыбнулась, вежливо, но без усилия. Улыбка не затронула глаз.

— У меня долгая ночь впереди.

Лили учтиво улыбнулась в ответ и не стала задавать лишних вопросов. В конце концов, кофейня существовала для того, чтобы продавать кофе, а не для того, чтобы судить клиентов за их кофеиновые привычки. Она сварила американо и принесла его к столику.

— Вы приехали в гости? — спросила она, ставя чашку на стол.

— Я много путешествую, в основном, одна — сказала девушка и поднесла чашку к лицу, чтобы вдохнуть аромат свежего кофе.

— И вас занесло в Литчфилд? Обычно сюда не ездят туристы. Слишком серый и скучный город для этих целей.

— Случайность, — сказала девушка, и в том, как она это произнесла, Лили услышала лёгкую иронию.

— Я хотела посмотреть на Средний Запад. Говорят, здесь красивая осень.

— Красивая, — согласилась Лили. — Только в этом году она какая-то серая. Обычно листья ярче.

— Мне нравится серая. В сером больше правды.

Лили не нашлась, что ответить. Девушка поднесла чашку к губам, сделала глоток — и чуть заметно улыбнулась.

— Хороший кофе. Крепкий. Спасибо.

— Сама варила, по фирменному рецепту.

— Я чувствую.

Между ними повисла пауза. Лили вдруг осознала, что стоит у столика дольше, чем обычно стоит официантка, и сделала шаг назад.

— Если что-то понадобится — я за стойкой.

— Спасибо, — повторила девушка. — Мне ничего не нужно. Только кофе.

Лили вернулась за стойку. Майя вышла из подсобки, вытирая руки полотенцем, и кивнула в сторону посетительницы.

— Кто это?

— Проездом. Заказала двойной американо в десять вечера.

— Ночная птица.

— Похоже на то.

Лили повернулась, чтобы убрать чашки в шкаф, и тут что-то изменилось. Сначала она не поняла, что именно. Просто мир поплыл, как будто кто-то выкрутил резкость на минимум. Голова стала тяжёлой, в висках застучало, и перед глазами поплыли тёмные точки. Она схватилась за край стойки.

— Лил? — Голос Майи донёсся как сквозь вату. — Ты в порядке? Ты побледнела.

Лили сглотнула. Во рту был странный привкус — металлический, как будто она лизнула батарейку.

— Что-то голова закружилась. Наверное, устала.

— Ты вчера перенервничала. Лучше иди домой. Я сама закрою.

— Но ещё полчаса

— Ничего. Иди. Я справлюсь.

Лили хотела возразить, но тело отказывалось подчиняться. Ноги были ватные, руки как чужие. Она кивнула, сняла фартук и пошла в подсобку за курткой. Проходя мимо столика в углу, она бросила взгляд — и замерла. Столик был пуст. Чашка стояла на месте, аккуратно поставленная на блюдце, но девушки не было. Как будто она просто исчезла, растворилась, пока она отворачивалась. Лили выглянула на улицу — никого. Только дождь, жёлтый свет фонарей, и мокрый асфальт, блестящий в темноте. Она на секунду забеспокоилась, но быстро переключилась. У неё не было сил. Она вызвала такси, села в машину и поехала домой, глядя в окно на проплывающие улицы и думая о том, что тревога, поселившаяся в ней после вчерашнего дня, теперь свила себе гнездо у нее в душе.

Дома она приняла душ — горячую воду, почти обжигающую, чтобы смыть с себя этот странный привкус и эту слабость. Стоя под струями, она думала о недавних событиях; о Дэриле, о незнакомце с ледяными глазами, о мистере Хендриксе и его взгляде на Майю, о девушке с янтарными глазами, которая исчезла, как дым, и о том, что Литчфилд — её тихий и безопасный город, больше не казался ей таким. Она легла в постель, даже не включив телевизор. Обычно она засыпала под болтовню ведущих реалити-шоу — чужие голоса успокаивали, как шум дождя. Но сегодня ей нужна была тишина. Полная. Абсолютная. Информационный шум итак негативно повлиял на психику. Нужен настоящий отдых. Сон пришёл тяжёлый, без сновидений. Или она просто их не запомнила.

Утро ударило молотком по вискам. Лили открыла глаза и сразу ощутила тяжесть. Тело было как чужое: тяжёлое, неповоротливое, налитое свинцовой усталостью. Она села на кровати, и комната качнулась — не сильно, но достаточно, чтобы она схватилась за край матраса. В голове звенело, как будто внутри черепа кто-то оставил включённый телевизор на пустом канале — белый шум, помехи, ничего. Она потянулась за телефоном. Десять утра. Она проспала. Смена через час. Она набрала Майю. Гудки шли долго, один за другим, и каждый был как шаг в пустую комнату. Никто не ответил. Она сбросила и написала сообщение: «Привет, что-то мне совсем плохо. Можешь меня подменить сегодня?» Минута. Две. Пять. Сообщение не прочитано. Лили нахмурилась и позвонила снова. Гудки, гудки, гудки. Голос автоответчика — бодрый, стандартный: «Абонент недоступен. Оставьте сообщение после сигнала»

— Майя, это Лили. Перезвони, пожалуйста. Я волнуюсь.

Волнение было не абстрактным. Оно имело форму и вес — как камень, который кто-то положил ей в желудок. Она вспомнила лицо Майи вчера: затравленное, бледное. Вспомнила, как та вздрогнула от звука упавшей ложки. Вспомнила синяки на её запястьях и то, как она одёрнула рукав. Лили подумала о том, что должна была уделить этому больше внимания, а потом вспомнила, что вчера чувствовала себя также паршиво как и сегодня.

Она оделась быстро, почти не глядя на себя в зеркало. Джинсы, свитер, куртка. Волосы собрала в хвост, не расчёсывая. Завтракать не стала — не было времени, да и аппетит пропал напрочь. Такси пришлось ждать пятнадцать минут. В эти минуты Лили мерила шагами тротуар у дома, глядя на серое небо и мокрые листья, облепившие асфальт. В голове крутилось одно и то же: «Перезвони. Пожалуйста, перезвони». Когда машина свернула на Третью улицу, Лили почувствовала запах. Запах беды. Она не могла объяснить, что это значит, но знала его. Так пахнет воздух перед грозой. Так пахнет тишина в доме, где что-то случилось.

Кофейня «У Джун» появилась из-за поворота — и Лили похолодела. Жёлтая лента. Она опоясывала весь фасад здания, от двери до угла, натянутая между столбиками, которые кто-то вбил в спешке. Полицейские машины — две, нет, три — стояли у входа, и их мигалки заливали улицу красно-синим цветом. Толпа зевак — человек двадцать, не меньше — стояла на другой стороне, прижимая к груди бумажные стаканчики с кофе из соседней закусочной и перешёптываясь. Литчфилд ещё не привык к зрелищам такого масштаба.

Лили выскочила из такси, не закрыв дверь, и побежала к ленте. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

— Туда нельзя, мэм, — сказал полицейский у входа. Молодой, с прыщавым лицом и слишком серьёзными для его возраста глазами.

— Я здесь работаю. Что случилось? Где Майя?

— Вы знаете Майю?

— Я здесь работаю! — повторила она, и голос сорвался почти на крик. — Мы с ней вчера закрывались! Что случилось?!

Полицейский замешкался и обернулся, ища взглядом кого-то старшего. Из дверей кофейни вышел мужчина в штатском — немолодой, с уставшим лицом и глазами, которые, казалось, видели слишком много, чтобы чему-то удивляться. — Вы коллега Майи? — спросил он.

— Да. Лили. Лили Мартин. Мы работаем вместе. Она не отвечает на звонки. Что с ней? Лили очень боялась услышать ответ, но неизвестность пугала её ещё больше.

Он посмотрел на неё тем особым взглядом, каким полицейские смотрят на людей перед тем, как сообщить что-то плохое. Лили знала этот взгляд. Она видела его в кино, в сериалах, в новостях. Она никогда не думала, что он будет направлен на неё. — Майя Харрис пропала, — сказал он. — Сегодня утром её муж пришёл домой и обнаружил, что дверь открыта, а её нет. На работе она не появилась. Мы проверяем камеры, опрашиваем свидетелей. Вы были последней, кто её видел?

Лили не ответила. Она не могла. Звуки исчезли — уличный шум, голоса, мигалки. Всё это схлопнулось в одну точку, и осталось только слово, которое повторялось и повторялось в голове, как заевшая пластинка: пропала, пропала, пропала. Она стояла на тротуаре перед кофейней, вцепившись в жёлтую ленту, и смотрела на дверь, через которую они с Майей выходили вчера вечером. Дверь была приоткрыта. За ней — пустота. И в этой пустоте, где-то на границе сознания, мелькнуло лицо девушки с янтарными глазами. Двойной американо. «У меня долгая ночь впереди». Лили не знала, связаны ли эти вещи. Она вообще ничего не знала. Но тревога внутри теперь расправила крылья и билась о рёбра, как птица в клетке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.